

Капитан Ричард Ингл, Мэрилендский "пират и мятежник", 1642-1653 гг.

Эдвард Ингл

Captain Richard Ingle

Edward Ingle

The Project Gutenberg eBook of Captain Richard Ingle.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Капитан Ричард Ингл

Автор: Эдвард Ингл

Дата выхода: 18 октября 2008 [eBook #26958]

Последнее обновление: 4 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Робертом Чикконетти, Сэмом У. и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА КАПИТАН РИЧАРД ИНГЛ ***

Примечание переводчика

Некоторые сокращенные слова были расширены; они выделены серым пунктиром. Наведите курсор на слово, чтобы увидеть расширение.

КАПИТАН РИЧАРД ИНГЛ, Мэрилендский "пират и мятежник".

1642-1653.

Доклад, прочитанный в Мэрилендском историческом обществе,

12 мая 1884 года,

ЭДВАРД ИНГЛ, БАКАЛАВР.

Baltimore, 1884.

КАПИТАН РИЧАРД ИНГЛ,

Мэрилендский "пират и мятежник".

1642-1653.

РИЧАРД ИНГЛ.

"Капитан Ричард Ингл, ... пират и мятежник, был обнаружен в окрестностях поселения" - Макшерри, *История Мэриленда*, стр. 59.

"Уничтожение им [Инглом] записей привело к тому, что этот эпизод оказался в непроницаемой неизвестности и т. д." - Джонсон, *Основание Мэриленда*, с. 99.

"Капитан Ингл, пират, человек, прославивший имя "Реформации"" - Дэвис, *"Дневная звезда"*, стр. 210.

"Тот отвратительный бунт, который впервые начал пират Ингл" - Акты Ассамблеи 1638-64 годов, стр. 238.

"Те недавние беды, которые поднял этот неблагодарный злодей Ричард Ингл" - Там же, стр. 270.

"Я считаю, что небольшой бунт, время от времени, - это хорошо и так же необходимо в политическом мире, как бури в физическом." - Джефферсон, *Сочинения*, том III, с. 105.

Fund-Publication, No. 19.

КАПИТАН РИЧАРД ИНГЛ,

Мэрилендский "пират и мятежник", 1642-1653 гг.

1642-1653.

Доклад, прочитанный в Мэрилендском историческом обществе,

12 мая 1884 года,

ПО

ЭДВАРД ИНГЛ, А. Б.

Baltimore, 1884.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД ПИБОДИ.

Комитет по публикациям.

1884-5.

ГЕНРИ СТОКБРИДЖ,

ДЖОН У. М. ЛИ,

БРЭДЛИ Т. ДЖОНСОН.

Отпечатано Джоном Мерфи и Ко.
Печатники Мэрилендского исторического общества,
Балтимор, 1884.

КАПИТАН РИЧАРД ИНГЛ, МЭРИЛЕНДСКИЙ "ПИРАТ И МЯТЕЖНИК".

В XVII и XVIII веках американские колонии, от Массачусетса до Южной Каролины, периодически посещали пираты, которые появлялись внезапно на побережье, грабили поселения или нападали на торговые суда и так же внезапно уходили в свои убежища. Капитан Кидд был надолго прославлен в прозе и стихах, и только через несколько лет доверчивые люди перестали искать его зарытые сокровища. Злодей Черная Борода наводил ужас на виргинцев и каролинцев, пока Спотсвуд из "Подковы" не взял дело в свои руки и не послал за ним лейтенанта Мейнарда, который, уничтожив пирата в рукопашной схватке, вернулся с головой на бушприте.[1] По прошествии времени эти хищники обрели романтический и полумифологический ореол, и многих случаях сегодня крайне сложно отличить факт от вымысла. Незащищенное положение многих поселений на морском побережье колоний делало их легкой добычей для хищных морских разбойников, но можно было ожидать, что мэрилендские берега Чесапикского залива будут свободны от их домогательств. Однако, похоже, провинции не суждено было насладиться такой удачей, поскольку в *печатных* анналах ее жизни фигурирует имя одного человека, которого из поколения в поколение называли "пиратом", "мятежником" и "неблагодарным негодяем", а также применяли к нему другие не менее комплиментарные эпитеты. Первоначальные историки Мэриленда основывали свои представления о нем на некоторых высказываниях тех, кого он обидел или на кого напал, и кто отличался от него по политическим убеждениям. Более поздние авторы истории довольствовались тем, что следовали за такими авторами, как Бозман, Макмахон и Макшерри, или прямо копировали их, не обращаясь к оригинальным записям. Поэтому для широкого читателя, опирающегося на эти авторитеты, Ричард Ингл по-прежнему остается "пиратом и мятежником".[2]

Тщательная защита его личности была бы почти невозможна ввиду сравнительной скудости записей и сложной политики его времени. Однако обзор его отношений с Мэрилендом и изложение всех фактов могут пролить свет на его общий характер и дать объяснения, если не защиту, его деяний.

Имя Ричарда Ингла впервые появляется в записях Мэриленда под датой 23 марта 1641/2 года, когда он подал петицию в Ассамблею против Джайлса Брента по поводу отбывания казни шерифом. Он прибыл в провинцию за несколько недель до этого, доставив на своем судне капитана Томаса Корнуоллиса, одного из членов первоначального совета, величайшего человека в Мэриленде того времени, который провел несколько месяцев в Англии.[3] С момента прибытия и до момента подачи прошения Ингл, несомненно, занимался своим бизнесом - торговлей табаком - в заливах и реках провинции. Никаких других записей о его пребывании в Мэриленде в этом году не сохранилось, но Уинтроп писал, что 3 мая 1642 года "корабль

"Элеонора" из Лондона, хозяин которого мистер Ингли. || Ингли" прибыл в Бостон с табаком из Вирджинии, и, пробыв в море около 14 дней, был захвачен такой бурей, что, хотя все паруса были спущены и подняты, их все же сорвало с верфей, и корабль пролежал на одном боку два с половиной часа, так низко, что вода стояла на его палубе, и море постоянно загребало его, и день был таким же темным, как если бы это была ночь, и хотя они срезали ее мачты, она не выпрямилась, пока буря не утихла. Она простояла здесь до 4 числа (4) и была хорошо оснащена мачтами, парусами, такелажом и продуктами по таким разумным ценам, что хозяин был очень доволен своим развлечением и признался, что никогда не встречал подобного в Виргинии, где он торговал эти десять лет".[4] Несмотря на то, что его имя названо еще *один* раз и есть несколько кажущихся несоответствий, факты в совокупности указывают на то, что это был Ричард Ингл во время его обратного плавания в Англию. В следующем году он снова оказался в Мэриленде и, будучи поверенным мистера Пеннистона и партнеров, подал иск к вдове Кокшот за долги, понесенные ее мужем. Следующая запись в "Провинциальных записях" под этой датой, 6 марта 1642/3 года, - это приговор Уильяму Хардиге по делу капитана Корнуоллиса.[5] Этот Уильям Хардиге, который впоследствии стал одним из главных обвинителей Ингла, очень часто участвовал в исках по долгам Корнуоллиса и других лиц. Примерно в середине января 1643/4 года боцман "Реформации" предъявил Хардиге иск за табак, подлежащий возврату 1 февраля. Через три дня после этого Уильяму Хардиге, портному, был выдан ордер на арест Ингла за государственную измену, а капитану Корнуоллису было велено помогать Хардиге, и дело должно было держаться в секрете.[6] Ингл был арестован и передан под стражу Эдварду Паркеру, шерифу, генерал-лейтенантом провинции Джайлсом Brentом, который также конфисковал товары и корабль Ингла, пока тот не очистится, и поместил на борт под охраной Джона Хэмптона, приказав никому не входить на корабль без ордера от генерал-лейтенанта.[7] Затем была опубликована и, как явствует из записей, закреплена на грот-мачте судна следующая прокламация.[8]

"Настоящим публикуем и сообщаем всем псонам, как морякам, так и другим, что Ричард Ингл, хозяин своего корабля, арестован по обвинению в государственной измене своему государству, и поэтому требуем, чтобы все псоны оказывали помощь и содействие его лоукостерам при захвате его корабля. помогать его офицерам в захвате его корабля, и не оказывать никакого сопротивления или презрения к этому, и не быть никаким другим образом помогающим или содействующим указанному Ричарду Инглу по обвинению в государственной измене его маме."

Несмотря на эту прокламацию, Ингл сбежал следующим образом. У Паркера не было тюрьмы, и, следовательно, он должен был лично следить за своим пленником. Он предположил, "исходя из некоторых слов, сказанных секретарем", что Brent и совет согласились отпустить Ингла на борт своего судна, и когда капитан Корнуоллис и мистер Нил пришли с заседания совета и повели Ингла на корабль, он сопровождал их.[9] Прибыв на борт, Корнуоллис сказал: "Все мирно", и убедил командира попросить своих людей сложить оружие и разойтись, после чего Ингл и его команда вновь завладели кораблем. При таких обстоятельствах шериф не мог помешать его побегу, тем более что член совета и самые влиятельные люди провинции своими действиями или присутствием способствовали этому поступку. Кроме того, впоследствии говорили, что Уильям Дюрфорд, Джон Дюрфорд и Фред. Джонсон, по наущению Ингла, избили и ранили некоторых из стражников, хотя это обвинение, похоже, не было подтверждено.[10]

20 января 1643/4 года шерифу был выдан следующий ордер.[11]

"Настоящим я требую (от своего имени) Ричарда Ингла, моряка, явиться к Робу Эллисону, шерифу этого графства, до первого числа следующего февраля, чтобы ответить за такие преступления измены, какие от имени его матери будут ему предъявлены, по его полному убеждению, в соответствии с законом в этом отношении. И далее я требую, чтобы все люди, которые могут сказать или раскрыть какие-либо сведения об измене упомянутого Ричарда Ингла, сообщили об этом своему поверенному в делах за некоторое время до упомянутого суда, дабы это могло быть тогда и там доказано.

Г. Брент".

Однако Ингла больше не арестовывали, хотя он по-прежнему оставался в окрестностях Сент-Мэри: 30 января его судно стояло на якоре в реке Сент-Джордж, и в записях упоминается, что он находится в провинции. Почти два месяца муссировался вопрос об Ингле, и для большей ясности мы расскажем о связанных с ним действиях в порядке их возникновения.

Информация, которую Хардиге передал Льюджеру и которая стала причиной ареста Ингла, гласила: в марте или апреле 1642 года он слышал, как Ингл, который в то время находился на острове Кент, а в другое время - в Сент-Мэри, сказал, что он "капитан Грейвсенда, выступающий за парламент против короля"; что он слышал, как Ингл сказал, что в феврале того года ему было приказано именем короля прийти в Грейвсенд. Марии, сказал, что он "капитан из Грейвсенда, выступающий за парламент против короля"; что он слышал, как Ингл сказал, что в феврале того года ему было приказано именем короля сойти на берег в Аккомаке (), в Виргинии, но он, именем парламента, отказался это сделать и пригрозил отрубить голову любому, кто приплывет на его корабле.[12] 29 января Хардиге и другие были вызваны в суд, чтобы дать показания о "пиратских и изменнических преступлениях" Ингла - и тут в дело вступает пират. 1 февраля шериф созвал суд присяжных, старшиной которого был выбран Роберт Воган, и свидетели были приведены к присяге, среди них Хардидж, который, "будучи исключен капитаном Корнуоллисом из числа преступников", "не был признан таковым".[13] Джон Льюджер, генеральный прокурор, заявив, что суд имеет право рассматривать дело о государственной измене за пределами провинции, чтобы определить место, где преступник должен быть судим, представил на рассмотрение присяжных три законопроекта. Первый билль включал второе обвинение, выдвинутое Хардиге, второй предписывал присяжным выяснить, "не совершил ли 20 ноября и несколько дней до этого и после этого в 17 году правления своего Ма^{ти} в Грейвсенде в комитате Кент в Англии" обвиняемый, "не имея страха Божьего перед своими глазами, но побуждаемый к этому подстрекательством и примером других предателей своего Ма^{ти}". примером других изменников его матери, предательски и как враг вел войну и носил оружие против его матери и принял и осуществлял командование и капитанство в городе Грейвсенд", , а в третьем билле они должны были выяснить, не делал ли Ингл 5 апреля восемнадцатого года правления Карла на своем судне в реке Потомак, недалеко от острова Св. Клемента, сказал, что "принц Руперт был плутом или негодяем". Если остальные свидетельства были не сильнее и не убедительнее показаний Хардига, неудивительно, что присяжные ответили на все обвинения "*Ignoramus*".[14] Для расследования обвинения Ингла в том, что он сбежал от шерифа, были назначены другие присяжные, и они пришли к аналогичному выводу. Во второй половине дня первым присяжным были вручены еще два билля, первый из которых гласил: "Говорил ли Ингл в апреле 1643 года, находясь в Маттапаниане,[15] сотня Святого Клемента, что принц Руперт - принц-предатель и принц-изгой, и если бы он взял его на борт своего корабля, то выпорол бы его на капитанском мостике". Этот законопроект постигла участь остальных, но второй, обвиняющий его в том, что

он сказал, "что король (имеется в виду король Говер Л. К. Чарльз) не был королем, не был и не мог быть королем, если он не сделал ничего с Парламентом", вызвал разногласия присяжных, и в 7 часов вечера вердикт не был вынесен, они удалились до следующей субботы.[16] В этот день, 3 февраля, по просьбе генерального прокурора присяжные были распущены, а билль передан другому жюри, которое вернуло его "*Ignoramus*".[17] Несмотря на единодушное мнение всех присяжных об отсутствии истинного обвинения, был выдан еще один ордер на арест Ингла Паркером или Эллисоном за государственную измену, и после бесплодных попыток добиться от других присяжных иного решения, 8 февраля Инглу был объявлен импичмент, за то, что 20 января 1643/4 года он совершил нападения на суда, пушки, товары и личность одного епископа, а после того, как его упрекнули в этих действиях, угрожал разгромить жилища людей и даже Джайлса Брента, и за "указанные преступления пирата, мятежа, казнокрадства, презрения и проступки и каждое из них в отдельности".[18] Если Ингл действительно совершил эти преступления, то его, несомненно, подстрекали к ним возбужденные в тот день против него дела, а также тот факт, что Генри Бишоп был в числе свидетелей, вызванных против него.

Больше ничего не было сделано, так как из копии сертификата Инглу от 8 февраля стало известно, что "по определенным жалобам, представленным его пордом поверенным М^Р-Ингла, рассмотрение и устранение которых могло вызвать большой демередж судна и другие убытки и обременения в сборе его долгов, было потребовано его пордом поверенным от имени его порда, чтобы указанный Р. И. заложить в стране в его пользование один бочонок пороха и 400 литров шотты, которые останутся в залог того, что упомянутый Р. И. сам или его поверенный явится в его Лос-Кольт в С. Maries on or before the first of ffebr next to answer to all such matters as shalbe then and there objected agsthim * * * and upon his appearance the said powder & shott or the full value of it at the rate of the then country to be delivered to him his attorney or assigne upon demand." [19]

Как изменилась политика: от обвинения человека в государственной измене, наказанием за которую была смерть, до предложения ему права на залог для явки адвоката, если это необходимо, для выполнения неопределенных обвинений! Учитывая все факты, представляется вероятным, что власти Мэриленда были привержены делу короля благодаря поручению, данному им Леонарду Калверту в 1643 году, и своим действиям по захвату Ингла; что после его ареста было сочтено нецелесообразным идти на крайние меры, и что они не оказали особого сопротивления его побегу, если не попустительствовали ему. Разумеется, попытки поймать его были весьма слабыми, поскольку, когда шериф потребовал у ответчика табак и бочки, причитающиеся ему за созыв присяжных, свидетелей и т. д., выяснилось, что Ингл оставил в руках секретаря требуемую сумму.[20] Арестовав Ингла за произнесение изменнических слов, палатинское правительство не только встало на сторону короля Карла, но и готовилось сделать то, что ему помешали сделать за несколько месяцев до этого. Когда по его приказу несколько человек, совершивших измену, были приговорены к смерти, парламент заявил, что "все подобные обвинения и разбирательства по ним несправедливы и незаконны; и что если кто-либо будет казнен или пострадает за то, что сделал по их приказу, то такое же наказание должно быть применено смертью или иным способом к тем пленникам, которые были или должны быть взяты их войсками", и их жизнь была спасена.[21] Власти Мэриленда сами показывают, почему Инглу было позволено бежать. 16 марта Льюджер показал, что "в то время как Ричард Ингл был несносен по разным искам и жалобам своего Ло^Р за разные и разнообразные преступления, все они, по соображениям общественного блага и безопасности-были приостановлены на безопасности были приостановлены: когда упомянутый Ричард Ингл предполагал оставить в стране для общественной нужды в это время" порох и

дробь, но он не заплатил композицию и уехал, не заплатив таможенные пошлины, которые требовались для надлежащей разгрузки его судна "по закону и обычаю всех портов", он просил, чтобы все товары Ингла, долги и т. д., были арестованы до тех пор, пока он не очистит себя.[22] Учитывая обстоятельства, серьезные обвинения, выдвинутые против него, отсутствие доказательств того, что он знал условия договора, наличие команды и судна в его распоряжении, неудивительно, что он уплыл от опасности, не выполнив формальности по очистке и оставив неоплаченные долги, ведь Льюджер потребовал от него 600 фунтов табака в качестве оплаты за тарелки и скимитар, за которые Корнуоллис получил обеспечение.[23] В предположении о том, что хранение Инглом боеприпасов облегчило бы общественную нужду, есть оттенок сарказма: ведь он был бы гораздо менее опасен, а правительство было бы гораздо более подготовлено к сопротивлению ему.

Но как поступили с теми, кто помогал ему? 30 января Томасу Корнуоллису, Джеймсу Нилу, Эдварду Паркеру и Джону Хэмптону было предъявлено обвинение в том, что они спасли его и тем самым стали соучастниками государственной измены. Корнуоллис ответил, "что он хорошо понимал, что дела, в которых обвиняли упомянутого Ричарда Ингла, не имели никакого значения, а были вызваны подлым злым умыслом Уильяма Хардига, что и проявилось впоследствии, когда великое расследование нашло в обвинениях не так много вероятности, что позволило предать его суду", и "он предполагал и понимал не что иное, как то, что упомянутый богач. Ингл поднялся на борт с разрешения и согласия генерального директора и советника, а также офицера, под чьей опекой он находился, а что касается побега и спасения, в которых он обвиняется, то он ни в коей мере не является соучастником этого, и поэтому просит отстранить его от должности".[24] Вынесение приговора откладывалось, но Корнуоллис очень хотел, чтобы его немедленно освободили. Поэтому генерал-лейтенант и генеральный прокурор, посоветовавшись, признали Корнуоллиса виновным и оштрафовали его на тысячу фунтов табака, хотя по просьбе обвиняемого штраф был отложен до последнего дня месяца, когда Брент приказал шерифу "наложить 1000 фунтов табака на любые товары или долги" капитана То. Корнуоллиса "за столько, сколько было присуждено в виде штрафа лорду-проприетарю на суде, состоявшемся 9 февраля прошлого года".[25] Этот штраф, который должен был быть передан поверенному То. Уайатта, командующего островом Кент, в счет погашения долга лорда Балтимора перед ним, Корнуоллис впоследствии признал, что заплатил.[26]

Нил не явился в суд, хотя, судя по всему, находился в Сент-Мэри, и был отстранен от участия в совете за неуважение. 11 февраля, когда его обвинили в том, что он выпросил Ингла у шерифа, он отверг все обвинения и через несколько дней был восстановлен на своем месте в совете, накануне отъезда Брента на остров Кент.[27] Паркер заявил, что Ингл сбежал против своей воли, и его уволили, а Хэмптон избежал судебного преследования, предположительно, потому что в деле против него больше нет никаких записей.[28]

Но со стороны властей было бы плохой политикой позволить этому делу заглухнуть без видимых усилий с их стороны наказать кого-либо, и Корнуоллису пришлось принять на себя основную тяжесть их нападок. Чувства против него были настолько сильны, согласно его собственным заявлениям, что, помимо уплаты штрафа, самого высокого, "который мог быть наложен на него по закону", он был вынужден ради личной безопасности отправиться на корабле вместе с Инглом в Англию, где отважный капитан свидетельствовал перед парламентским комитетом о преданности Корнуоллиса своему делу и о потерях, которые он понес от его имени.[29]

Лейтенант-губернатор и совет могли поздравлять себя с отъездом Ингла и Корнуоллиса, но этот мореплаватель и торговец готовился вернуться в Мэриленд. 26 августа 1644 года некоторые лица, торгующие в Виргинии, обратились в Палату общин с просьбой разрешить им перевозить боеприпасы, одежду и продукты питания без таможенных пошлин на Чесапикские плантации, которые в то время свободно объединялись под одним названием - Виргиния. Общины предоставили восьми судам[30], упомянутым в петиции, право перевозить провизию, одежду, оружие, боеприпасы и другие товары "для снабжения, защиты и помощи плантаторам" и передали последнюю часть петиции, в которой просили полномочий пресекать деятельность голландцев и других странных торговцев, в Палату лордов.[31] Вряд ли стоит говорить о том, что плантаторы, которых должны были выручить и защитить грузы судов, были плантаторами, не враждовавшими с парламентом. Ведь суда из Лондона использовались в интересах парламента, а суда из Бристоля были кораблями короля. Де Врис, знаменитый голландец, оставивший столь острые наблюдения о первых колонистах, писал, что во время посещения Виргинии в 1644 году он видел, как два лондонских корабля гнались за лодкой-мухобойкой, чтобы захватить ее, а в Массачусетсе сообщили, что захваченный индеец назвал в качестве причины резни индейцев 18 апреля 1644 года, "что они сделали это, потому что увидели, что англичане захватили все их земли, * * * и они взяли этот сезон для, что они поняли, что в Англии идет война, и начали воевать между собой, потому что они видели бой на реке между лондонским кораблем, который был за парламент, и бристольским кораблем, который был за короля." [32]

Среди кораблей, заказанных парламентом и вооруженных, был "Реформация", хозяином которого все еще оставался Ингл. В октябре 1644 года он находился в Лондоне, принимая груз, и Корнуоллис доверил ему товары, оцененные в 200 фунтов стерлингов.[33] Вскоре после этого судно отплыло и в феврале оказалось в Мэриленде. В то время дела в провинции были очень беспокойны. Энергичный Клейборн, которого власти Мэриленда называли пиратом и мятежником, но который был гораздо лучшим человеком, чем принято считать, и чья жизнь должна быть особенно изучена, все еще настаивал на своих претензиях на остров Кент, и Леонард Калверт был вынужден не раз в течение зимы посещать Виргинию, пытаясь предотвратить его действия. Индейцы были возбуждены и склонны воспользоваться спорами между группировками в провинции, а сами колонисты находились в состоянии волнения. В этот момент появился Ингл. Стритер писал о его появлении: "В гавани появилось несколько судов, с которых высадилась вооруженная сила (14 февраля 1645 года) под командованием капитана Ричарда Ингла, Сент-Мэри был взят; многие члены были пленниками; губернатор бежал в Виргинию, а провинция оказалась в руках силы, утверждающей, что действует, и, вероятно, действующей под властью парламента".[34] Первая часть этого утверждения не имеет никаких оснований, хотя и не является неправдоподобной, и частично подтверждается преувеличенными обвинениями против Ингла, выдвинутыми Ассамблеей 1649 года, и упоминаниями о нем в прокламациях. В провинциальных записях нет никаких упоминаний о том, что Калверт был вынужден покинуть провинцию, напротив, Калверт в своем поручении Хиллу в 1646 году заявил, что "в настоящее время я имею возможность по долгу службы его светлости отсутствовать в указанной провинции", и ничего не говорит об Ингле. Восстание называют "восстанием Клейборна и Ингла", и, хотя связь с Клейборном не была бы бесчестной ни для кого, историческая точность, кажется, требует провести различие. В прокламации Грина о помиловании в марте 1647/8 года, в письме Ассамблеи лорду Балтимору в апреле 1649 года, в комиссиях проприеттора на изготовление большой печати, генерального мустер-мастера и

командующего островом Кент, соответственно, в 1648 году, и в его письме Стоуну в 1649 году, восстание приписывается подстрекательству Ингла.[35] В поручении губернатору Стоуну от августа 1648 года говорится: "Так как такое помилование или помилования не распространяется на помилование Уильяма Клейборна, ранее жившего на острове Кент в нашей упомянутой провинции Мэриленд, а теперь или позднее в Виргинии, или его соучастников в их позднем восстании против наших прав и господства в упомянутой провинции и над ней, ни Ричарда Ингла, ни Джона Дурфорда, моряка," а в Акте о забвении, принятом в апреле 1650 года, помилование даруется всем, кроме "Ричарда Ингла и Джона Дарфорда, женихов, и других жителей острова Кент", которые не были помилованы Леонардом Калвертом.[36] Только в этих двух случаях есть хоть какая-то возможность соединить два имени, но даже здесь они разделены, и различие усиливается тем, что в комиссии, касающейся Хилла, также от августа 1648 года, и в других местах Клейборн упоминается без всякой ссылки на Ингла.[37] Вероятно, в отсутствие доказательств обратного, Ингл и Клейборн никогда не планировали никаких согласованных действий, но каждый воспользовался поступками другого, чтобы продвинуть свои собственные интересы.

Вернемся к 1645 году. Восстание, предположительно начатое Инглом, согласно заявлениям Ассамблеи 1649 года, было продолжено его сообщниками, и во время него "большинство здешних королевских друзей вашей светлости лишились всего своего имущества и были изгнаны из провинции, а те немногие, что остались, были разграблены и лишены всех средств к существованию и жизни, только дыша под тем неподъемным игом, которое они были вынуждены нести под этими мятежниками".[38] Людям была предложена клятва против лорда Балтимора, которую отказались дать все католики, кроме Уильяма Томпсона, относительно которого есть некоторые сомнения.[39] Сам Ингл заявил, что ему удалось отнять несколько мест у папистов и злопыхателей и с помощью товаров, отобранных у них, облегчить положение тех, кто хорошо относится к парламенту. Далее в этой статье будет показано, что имущество римских католиков подвергалось нападкам при Ингле, но то, что плохое отношение к ним продолжалось недолго и было не очень суровым, можно понять из того факта, что в 1646 году в провинции было достаточно членов совета, которые были римскими католиками, чтобы избрать губернатора Хилла. В связи с этим следует упомянуть отчет неопределенного автора о миссии в Мэриленде, написанный в 1670 году. Отчет посвящен главным образом рассказу о чуде, которое, как ни странно, не было зафиксировано, насколько известно, хотя с момента его совершения прошло уже двадцать четыре года. "По обычаю и обыкновениям католиков, - писал неопределенный автор, - живущих в Мэриленде, в течение всей ночи 31 июля, следующей за праздником святого Игнатия, принято чествовать пушечным салютом своего опекуна и святого покровителя. Поэтому в 1646 году, памятуя о торжественном обычае, юбилей святого отца закончился, и они пожелали, чтобы ночь также была освящена в честь этого праздника непрерывным артиллерийским залпом. В то время в окрестностях находились некие солдаты, несправедливые грабители, англичане по происхождению, гетеродоксальной веры, которые, прибыв за год до этого с флотом, захватили с оружием почти всю колонию, разграбили, сожгли и, наконец, похитив священников и отправив в изгнание самого губернатора, привели ее в жалкое рабство. Они укрылись в некой укрепленной цитадели, построенной для их собственной защиты и расположенной примерно в пяти милях от остальных; но теперь, разбуженные ночным грохотом пушек, на следующий день, то есть первого августа, они набросились на нас с оружием, ворвались в дома католиков и разграбили все, что там есть из оружия или пороха".[40] Это заявление, на первый взгляд, противоречит действительности, поскольку ограничения в

отношении католиков не могли быть очень большими, так как до августа 1646 года им разрешалось сохранять порох и пушки, необходимые для непрерывных салютов. Более того, когда на следующий день солдаты пришли в их дома, ничего, кроме боеприпасов, не было взято, и это было сделано, несомненно, для предотвращения дальнейшей тревоги, которую войска, расположенные так, как они находились, могли вполне обоснованно испытывать, слыша артиллерийские залпы на расстоянии пяти миль.

Многие авторы утверждают, что добрые отцы Уайт и Фишер были увезены Инглом в Англию, но из записей иезуитов в Стоунихерсте можно узнать, что отец Уайт был схвачен "отрядом солдат" "и увезен в Англию в цепях", а также что в "1645 году на колонию напала партия "ряженных" или мародеров, и миссионеры были увезены в Виргинию".[41] Эти выдержки показывают, какая путаница царила в умах современников Ингла и как трудно было установить истинную правду. Но в показаниях под присягой, сохранившихся в записях Мэриленда, можно найти некоторые факты. Через несколько дней после событий в Сент-Мэри, приведших к частичному подрыву власти в Балтиморе, "Реформация" прискакала к устью ручья Сент-Инигос, возле которого находился "Крест", поместье Корнуоллиса, который, будучи вынужденным в 1644 году покинуть Мэриленд, оставил свой дом и имущество в руках Катберта Фенвика, своего адвоката.[42] Фенвик намеревался отправиться в Аккомак, штат Вирджиния, и послал Томаса Харрисона, слугу, которого Корнуоллис купил у Ингла, и своего товарища, Эдварда Мэтьюса, помочь Эндрю Монро подвести к дому небольшую пинасу.[43] В пинасе находились одежда, постельные принадлежности и другие товары, принадлежавшие Фенвику. Монро отказался привести пиннас и ждал, пока Ингл войдет в ручей;[44] и позволил захватить пиннас (если это можно назвать захватом, на который было дано согласие) и разграбить его. Фенвик заявил, что пиннас был разграблен "Ричардом Инглом или его сообщниками";[45] другой свидетель сказал, что Ингл "захватил или разграбил" пиннас, а Монро был использован им в своих действиях против провинции, и, командуя другим пиннасом, помогал грабить дом Копли в Портобаке.[46] Мэтьюс, а также другие слуги были взяты в плен на "Реформации", а Харрисон взял в руки оружие Ингла, после чего покинул провинцию и бежал в Аккомак. Фенвик поднялся на борт, несомненно, чтобы выразить протест против подобных действий, а когда вернулся на берег, был схвачен группой людей под командованием Джона Стурмана, который, похоже, был одним из лидеров восстания, и доставлен обратно на судно, где его держали в плену.[47] В то же время Томас Стурман, Джон Стурман, бондари, и Уильям Хардвик, портной, во главе отряда разграбили жилище Корнуоллиса, который в петиции губернатору и Совету в 1652 году описал его как "достойный жилой дом, обставленный пластинами, льняными вешалками, постельным латунным оловом и всеми видами хозяйственных вещей на сумму не менее тысячи фунтов". В том же прошении он заявил, что партия "разграбила и унесла все, что в нем было, снесла и сожгла дворцы вокруг него, убила и уничтожила всех свиней и козлов и перебила или перепутала почти весь скот, забрала или разогнала всех слуг, унесла большое количество пиленых досок из питты и разодрала несколько полов в доме. И, отбив этими насильственными и незаконными действиями у моего поверенного, упомянутые Томас и Джон Стурман завладели домом Компота как своим собственным, жили в нем столько, сколько хотели, а при отъезде сняли замки с дверей и стекла с окон и в целом разорили все его имение, нанеся Компоту ущерб по меньшей мере в две или три тысячи фунтов".[48] Следует иметь в виду, что Корнуоллис в этой петиции, направленной против двух Стурманов и Хардвика, которые не отрицали обвинений, но утверждали о сроке давности, не упоминает Ингла, за исключением того, что на его корабле был задержан Фенвик.[49]

Во второй половине 1645 года началась эпоха петиций, к которой следует относиться с осторожностью, поскольку эта эпоха характеризуется как эпоха лжесвидетельств, и в представлениях обеих партий в политике Мэриленда использовались все незначительные моменты для укрепления их соответствующих позиций, а из внутренних свидетельств следует, что некоторые заявления были, мягко говоря, искажены. Начало этой эпохи ознаменовалось тем, что 25 декабря 1645 года Комитет плантаций представил Палате лордов следующие заявления и предложения, а именно: что многие жаловались на тиранию рекузантов в Мэриленде, "которые соблазнили и заставили многих подданных Его Величества отказаться от своей религии"; что свидетельство судьи Адмиралтейства основано на показаниях свидетелей, взятых в этом суде: Леонард Калверт, покойный губернатор, имел поручение от Оксфорда захватывать людей, корабли и товары, принадлежащие кому-либо из Лондона; это поручение он зарегистрировал, провозгласил и попытался привести в исполнение в Виргинии; и что некто Брент, его заместитель губернатора, захватил корабль, наделенный полномочиями, полученными от парламента, поскольку он был лондонским, и впоследствии не только подговорил команду корабля, чтобы она доставила его в Бристоль, в то время враждовавший с парламентом, но и принес им клятву против парламента; комитет при таких обстоятельствах рекомендовал, чтобы провинция была отдана в руки протестантов.^[50] Это была первая часть решительных усилий по лишению великого Сесила Калверта его хартии Мэриленда, которые Ричард Ингл так энергично продолжал в последующие годы. Вероятно, в это время он находился в Англии, поскольку в своем прошении в Палату лордов от 24 февраля 1645/6 года он ссылается на действия лордов в отношении урегулирования правительства Мэриленда. К этой петиции было приложено заявление от имени Корнуоллиса, которое объяснит ее. Корнуоллис заявил, что по возвращении Ингла в Англию, чтобы скрыть свою неплатежеспособность в вопросе о товарах на 200 фунтов, он подал жалобу в комитет по проверке на Корнуоллиса как на врага государства. Дело было рассмотрено во всех инстанциях, и когда оно было передано на рассмотрение закона и ответчику было предоставлено право допросить свидетелей в Мэриленде, Ингл арестовал его по двум подложным искам на сумму 15 000 фунтов стерлингов. Другим удалось вызволить его из тюрьмы, после чего Ингл направил в Палату лордов следующее прошение, которое на время остановило судебное разбирательство против него.^[51] Сделав это, он не стал продолжать судебное преследование. Простение несколько затянато, но его стоит прочитать, поскольку оно ярко характеризует этого человека.^[52]

"Смирненное прошение Ричарда Ингла, показывающее, что, поскольку проситель, приняв соглашение и отправившись с письмами марки, как капитан корабля "Реформация" из Лондона, и отплыв в Мэриленд, где, обнаружив, что губернатор этой провинции получил от Оксфорда поручение захватить все корабли, принадлежащие Лондону, и осуществлять тираническую власть против протестантов, и тех, кто придерживается Парламента, и принуждать их к нечестивым клятвам, и стремиться к их уничтожению, проситель, считая себя, не только по своему ордеру, но и по своей верности Парламенту, добросовестно обязанным прийти им на помощь, рискнул своей жизнью и состоянием, чтобы высадить своих людей и помочь упомянутым благонамеренным протестантам против упомянутого тиранического правительства и папистов и злонамеренных людей. Богу было угодно дать ему возможность занять у них различные места и сделать его опорой для упомянутых благонамеренных протестантов. Но после его возвращения в Англию упомянутые паписты и злопыхатели, сговорившись между собой, возбудили против него фиктивные дела по общему праву от имени Томаса Корнуоллиса и других за притворное посягательство на их имущество в приходе Сент-Кристоферс в Лондоне,

то есть то самое имущество, которое было силой войны справедливо и законно отнято у этих нечестивых папистов и злопыхателей в Мэриленде и которым он облегчил участь бедных протестантов там, которые иначе должны были голодать и быть выкорчеваны.

"Так вот, поскольку ваши светлости в парламенте штата, в приложенном ордере, соблаговолили распорядиться разработать указ о заселении упомянутой провинции Мэриленд под управлением Комитета по плантациям и о возмещении ущерба действующим лицам в ней, и поскольку такие ложные и притворные иски по военным делам, совершенные в чужих краях, не могут рассматриваться по общему праву, но, если вообще могут, то в суде и у маршала; и что было бы опасным примером разрешить папистам и злопыхателям подавать иски о посягательстве или иным образом против людей, пострадавших за то, что они сражались за парламент.

"Проситель покорнейше умоляет ваши светлости распорядиться, чтобы это дело было рассмотрено вашими светлостями в коллегии адвокатов, или передать его в комитет, который доложит об истинном положении дел и распорядится, чтобы указанные иски против просителя по общему праву были прекращены и в дальнейшем не рассматривались".

Неизвестно, как был решен этот вопрос, но в 1647 году, 8 сентября, Ингл передал Корнуоллису "по разным хорошим и ценным причинам" принадлежащие ему долги, векселя и т. д. и назначил его своим поверенным для их взыскания. Среди предметов описи, приложенной к доверенности, были "вексель и нота Джона Стурмана, одна от 10 апреля 1645 года за десяток фунтов пороха, другая от 4 апреля 1645 года за 900 фунтов тоба и каске", а также "расписка Джона Стурмана, одна от 10 апреля 1645 года за 900 фунтов тоба и каске". Caske", и "расписка капитана Уильяма Стоуна от 10 апреля 1645 г. о получении векселя Аргалла Ярдли на 9860 л табака и Caske", [53], которые показывают, что меркантильные интересы Ингла не были подчинены его предполагаемым военным мерам. Рассмотрение заявлений Корнуоллиса и Ингла доказывает, что последний, должно быть, имел значительное влияние в парламенте, и что он был готов стоять на и защищать все свои действия, а сходство с его петицией идей и даже слов в некоторых местах позволяет с уверенностью предположить, что Ингл имел какое-то отношение к уже упомянутому докладу 1645 года. Любопытно также сравнить его упоминание о жестоком обращении с протестантами и упоминание о тяготах приверженцев Балтимора, сделанное Ассамблеей 1649 года. Нет никаких сведений о пребывании Ингла в Мэриленде после весны 1645 года, хотя восстание, в подстрекательстве к которому его обвиняли, продолжалось еще несколько месяцев. [54] Для преемственности необходимо дать краткий очерк истории Мэриленда в течение следующих двух лет.

В течение четырнадцати месяцев провинция оставалась без постоянного правительства. В марте 1645/6 года Виргинская ассамблея в связи с тайным бегством в Мэриленд лейтенанта Стилвелла и других людей постановила, что "капитану То. Уиллоуби, эсквайр, и капитан Эдвард Хилл настоящим уполномочиваются отправиться в Мэриленд или Кент, чтобы потребовать возвращения тех, кто уже покинул колонию. И следовать дальнейшим инструкциям, которые будут даны им губернатором и советом". [55] После прибытия Хилла в Мэриленд он был избран губернатором членами совета, которые, несмотря на восстание Ингла, находились в провинции. Право совета избрать Хилла впоследствии оспаривалось, но об этом следует сказать одно слово. Причина оспаривания права заключалась в том, что члены совета могли избрать губернатором только одного из членов совета. В поручении Леонарду Калверту в 1637

году такого ограничения не было,[56] в поручении 1642 года оно есть, а в поручении 1644 года, сохранившемся в двух экземплярах, было сделано такое же положение.[57] Поскольку у самого лорда Балтимора были путанные представления об этой комиссии, неудивительно, что совет считал, что поступил правильно, избрав Хилла. Даже если совет не имел права действовать таким образом, у Хилла были более весомые претензии на пост губернатора. В поручении лорда Балтимора Леонарду Калверту от 18 сентября 1644 года есть следующее положение:[58] "И наконец, поскольку наш лейтенант может время от времени уезжать или отсутствовать за пределами указанной провинции Мэриленд, прежде чем мы сможем уведомить его о назначении другого на его место, мы настоящим предоставляем ему полную власть и полномочия время от времени в таких случаях выдвигать кандидатуру и назначать такого способного человека, проживающего и живущего в пределах нашей указанной провинции Мэриленд, которого он по своему усмотрению выберет и сочтет подходящим, чтобы стать нашим лейтенант-губернатором и т. д.". Таково повеление, записанное в Протоколах Совета Мэриленда. Однако Балтимор в 1648 году в поручении губернатору и совету Мэриленда написал, что Леонард Калверт не имел права назначать вместо себя кого-либо, "если только эти люди не были членами нашего тайного совета там"[59], хотя он признал законность назначения Леонарда на смертном одре свидетелями губернатора Грина. Он, несомненно, был членом совета, но этот факт не был упомянут в преамбуле комиссии, в которой слова, с небольшими изменениями во времени и настроении, почти идентичны словам в преамбуле комиссии от 30 июля 1646 года от Калверта к Хиллу, которая, несмотря на сомнения в обратном, должна была быть подлинной. Ведь лорд Балтимор в поручении 1648 года, похоже, признал, что его брат дал поручение Хиллу,[60] который в письме к Калверту сообщил, что обещал ему половину таможен и ренты - вознаграждение, предусмотренное в поручении. Хилл, не зная, что Калверт умер, написал ему письмо, датированное 18 июня 1647 года, с настоятельной просьбой выплатить вознаграждение, и на следующий день Грин, новый губернатор, ответил, что не понимает, о чем идет речь, но что если Хилл пришлет адвоката, то "ему будет дано полное удовлетворение". В следующем письме Хилл отказался от полномочий Калверта, основывая свои претензии на праве совета избрать его, и таким образом поставил себя на незаконную основу, чем на некоторое время воспользовались власти Мэриленда. Но в конце концов на суде, состоявшемся 10 июня 1648 года,[61] год спустя после смерти Калверта, был представлен иск от Хилла "за задолженность по вознаграждению, которое было обещано ему Леонардом Калвертом, Esq., за его службу на посту губернатора этой провинции, а именно: половина ренты его Лдпс за 1646 год и половина таможенных сборов за тот же год". Суд постановил, "что половина таможен за этот год, насколько она еще не была получена капитаном Хиллом, будет выплачена ему капитаном Хиллом. Хилл будет выплачена ему господином атторнеем из первых прибылей, которые будут получены его господином * * * его господин приемник должен обеспечить и выплатить капитану Эдварду Хиллу или его помощникам половину его господской ренты, причитающейся на следующее Рождество, вместо S^d ренты за 1646 год, которая была иным образом распоряжена для его господского использования." Однако есть один факт, который нельзя упускать из виду в отношении поручения Леонарда Калверта Хиллу. Если оно было выполнено членом совета и, следовательно, являлось подделкой, поскольку в записях под ним стоит подпись Калверта и место печати, то маловероятно, что Калверт по возвращении и его ближайшие преемники позволили бы сохранить и скопировать его в записи. Если бы все остальные доказательства не помогли, это последнее доказательство подтвердило бы действительность поручения Хилла.

Но Калверт, который на протяжении всей своей карьеры губернатора Мэриленда демонстрировал неизменную преданность интересам своего брата, собрал в Виргинии отряд солдат и в конце 1646 года вернулся в Сент-Мэри, где без труда овладел этой частью страны, хотя остров Кент все еще оставался во владении войск Клейборна. Так закончилось то, что называют восстанием Ингла, в котором потеря личных владений лорда-собственника "была, по правде говоря, настолько мала, что не имела никакого значения, когда ее сравнивали с безопасностью провинции, которая при нынешнем положении вещей висела на такой щекотливой булавке, что если бы не было сделано такого распоряжения, то неизбежно последовало бы абсолютное разорение и подрыв всей провинции".[62] Еще одним доказательством регулярного назначения Хилла является то, что Калверт на сайте 29 декабря, вскоре после своего возвращения, вновь собрал Ассамблею, которую Хилл созывал и откладывал, и вместе с ней приступил к принятию законов.[63] Хотя последующая Ассамблея в 1648 году протестовала против законов, принятых этой Ассамблеей, владелец признал их действительными и написал в 1649 году, что она была "законно продолжена" его братом, "ибо хотя первые сумоны были изданы тем, кто не был нашим законным лейтенантом, но затем были одобрены тем, кто был, все это едино, что касается последующих процедур, как если бы сначала они были изданы законным губернатором".[64] Писатель не юрист, но представляется, что если Ассамблея Хилла была "законно продолжена" и "одобрена" Калвертом, то признание Балтимора должно было иметь обратную силу, и, следовательно, законы, принятые до возвращения Калверта, должны были иметь законную силу, за исключением, конечно, несогласия владельца. Леонард Калверт, потратив несколько месяцев на улаживание дел в провинции, умер 9 июня 1647 года, и Грин стал править вместо него. В марте следующего года имя Ингла снова появляется в записях. 4 марта 1648 года губернатор провозгласил помилование всем, кроме Ричарда Ингла, а в августе того же года лорд-наместник, помимо своих поручений губернатору Стоуну, совету и секретарю Томасу Хэттону, выдал поручения на изготовление Большой печати, генерал-майора и командующего островом Кент. Джон Прайс был назначен генерал-квартирмейстером за его "великую верность нам во время недавнего мятежа и восстания в нашей провинции, начатого там отъявленным злодеем Ричардом Инглом и его сообщниками", а Роберт Воган был назначен командующим островом Кент по той же причине.[65] Затем в 1650 году был принят акт о забвении, исключаящий Ингла, Дерфорда и часть острова Кент. В 1649 году Балтимор пожаловал Джеймсу Линдсею и Ричарду Уиллану определенные земли и распорядился, чтобы в гранты было вставлено уведомление "об их особых и одобренных достоинствах, мужестве и верности (во время мятежа Ингла), чтобы память об их заслугах и его (владельца) понимании этого навсегда осталась в истории к чести их и их потомков".[66]

Расследование поступков Ингла в это время может объяснить, в каких горьких выражениях он упоминается в официальных документах Мэриленда, а также почему именно на него была возложена главная ответственность за беспорядки. В течение 1646 года лорд Балтимор был занят защитой своей хартии, против справедливости которой зимой 1645/6 года Ингл и другие выдвинули столь серьезные обвинения. 23 января 1646/7 года от имени Балтимора в Палату лордов было подано прошение о зачете показаний свидетелей, данных в Адмиралтейском суде в отношении Мэриленда. Через несколько недель Балтимор попросил отложить действия, направленные на отмену его хартии, и в тот же день некоторые купцы в Лондоне, заинтересованные в торговле Виргинией, попросили отправить ордонанс в палату общин, поскольку прошение Балтимора было направлено только на то, чтобы вызвать задержку.[67] На

время дело было приостановлено, но к декабрю 1649 года Ингл направил в Государственный совет петицию и протест против управления колонией лорда Балтимора. Слушания, переданные в Комитет Адмиралтейства, были отложены до 10 января 1650 года, когда агент Балтимора попросил перенести их на 16-е число. Были вызваны свидетели, и после явки Балтимора ему было приказано дать письменный ответ Инглу к 30-му числу. 29 января рассмотрение дела было вновь отложено до 6 февраля, "в связи с чрезвычайными обстоятельствами, не позволяющими выслушать его завтра". Отсрочка следовала за отсрочкой до 1 марта, когда Ингл был "не в состоянии доказать" обвинения, выдвинутые на сайте против лорда Балтимора за неправомерные действия в управлении Мэрилендом, но 15 числа того же месяца, "после нескольких дебатов по делу между капитаном Инглом и лордом Балтимором, касающихся поручения, данного Леонарду Калверту покойным королем в Оксфорде в 1643 году", адвокату штата и генеральному прокурору было поручено проверить действительность первоначальной хартии Сесилу, лорду Балтимору. Этот вопрос снова упоминается в записях, но о его результатах ничего не известно, если только не считать распоряжения Государственного совета от 23 декабря 1651 года о том, что лорду Балтимору должно быть позволено "продолжать свое дело в соответствии с законом".[68]

Похоже, что в это время Ингл находился на службе у парламента, который когда-то был парламентом, но в 1648 году сократился в результате чистки Прайда примерно до шестидесяти членов. В феврале 1650 года он сообщил Государственному совету, что на борту двух кораблей, "Флауэр де Люс" и "Томас и Джон", находятся люди, направляющиеся в Виргинию, которые являются врагами Содружества". Суда были задержаны более чем на месяц, после чего им было разрешено отплыть в Грейвсенд, где перед отплытием в Виргинию мэр и судьи должны были "взять подписку с пассажиров и моряков, чтобы не вступали в бой против Содружества".[69] В апреле этого года Государственный совет распорядился выплатить Инглу 30 фунтов стерлингов за услуги и заботу по содержанию капитана Гарднера, арестованного за измену при попытке предать замок Портленд.[70] О нем вновь становится известно в 1653 году благодаря некоторым письмам, написанным им Эдварду Марстону. Он потерпел кораблекрушение в Даунсе и находился в Дувре, где был очень болен. Узнав, что два приза, которые он помог спасти, были осуждены, а остальные получили свои доли, он написал, чтобы получить причитающиеся ему одиннадцать долей, и велел Марстону отправить одну часть своей жене, а другую - ему. 14 ноября он снова написал, что не получил ответа, хотя "я писал вам каждую почту в течение этих трех недель, так как был болен и очень нуждался в деньгах".[71] Это последний факт, который на данный момент можно найти о Ричарде Ингле, который сначала попал в поле зрения, требуя долги за табак, и был обнаружен, наконец, требуя призовые деньги. Эти два поступка были типичны для него: он всегда искал выгоду и при этом оставался верным приверженцем Долгого парламента, который так много сделал для укрепления английских свобод, но чьи действия привели к таким крайним мерам, как те, что увенчались казнью самовластного несчастного Карла I.

При внимательном рассмотрении всех фактов становится ясно, что деяния Ричарда Ингла в некоторых случаях легендарны, и как таковые они, естественно, становились все более отвратительными с каждым последующим рассказом. В этой статье мы постарались дать непредвзятый исторический отчет о его жизни, но ввиду того, что о нем ходят неверные слухи, остается подвести итог и рассмотреть конкретные обвинения против него. Его обвиняют в краже серебряной печати провинции. Однако заявления самого лорда Балтимора по этому поводу вызывают сомнения. "В то время как наша большая печать указанной провинции Мэриленд

была вероломно и жестоко похищена оттуда Ричардом Инглом или его сообщниками в феврале или около февраля[72] 1644/5", - писал он в августе 1648 года. Согласно записям, до этого времени в Мэриленде ничего не говорилось о потере печати. Напротив, в поручении, данном губернатором Грином 4 июля 1647 года, более чем за год до поручения владельца большой печати, есть слова: "Дано под моей рукой и печатью провинции"[73] , а в прокламации от 4 марта 1648 года Грин обещал помилование "под моей рукой и печатью провинции"[74] всем жителям провинции, кроме Ингла, которые должны признать свои проступки до определенной даты.

Против этих фактов можно возразить, что "под моей рукой и печатью провинции" - это всего лишь юридическая фраза. Но приведенные факты являются единственными двумя случаями использования этого термина с 1646 по 1648 год, и оба они предшествуют и следуют за комиссиями и т. д., заканчиваясь словами "и это будет вашей комиссией" или "дано в Сент-Мэри", и если этот термин был просто техническим языком, то почему он не использовался чаще? Опять же, можно сказать, что это была временная печать. Если это так, то странно, что об этом не упоминается ни в записях провинции, ни в распоряжении лорда Балтимора о новой печати. Мы надеялись и хотели, чтобы в этой статье не возникло повода для обвинений в адрес оппонентов Ингла, но историческая правда требует сделать это. Следует помнить, что Балтимор постоянно находился в опасности потерять свою хартию, в значительной степени из-за деятельности Ингла против него. Только на его авторитете основано обвинение против Ингла по поводу печати, но насколько ценен авторитет того, кто в то же самое время и в поручении, отправленном вместе с поручением о печати, писал, что Леонард Калверт "был ограничен нашим поручением ему не назначать" никакого человека губернатором, "если этот человек не был членом нашего тайного совета там,"[75] , хотя ни в одном из поручений Леонарду Калверту не было такого ограничения права губернатора, так что этот пункт в поручении лорда-проприетарщика превращается в макиавеллистское заявление. Вряд ли можно поверить, что лорд Балтимор мог сделать такое заявление по незнанию, ведь никто не знал комиссию лучше, чем ее автор. Но, несмотря на все свидетельства против лорда Балтимора, писатель слишком высокого мнения о его характере, чтобы приписывать ему дипломатическую ложь. Лорд Балтимор, несомненно, находился под сильным влиянием того, что ему докладывали о Мэриленде, поэтому вина должна лежать на его осведомителях. Но если эти люди прибегли к таким методам в одном случае, то, скорее всего, они будут делать это и в других. Кто бы ни был автором этого заявления, оно ставит под сомнение другие предполагаемые факты этого периода и приводит к выводу, что заказ новой печати был одним из реконструктивных актов владельца, наравне с обращением Хилла.

Ингл был обвинен в уничтожении записей провинции. Каково же было мнение Балтимора? "Мы понимаем, - писал он в 1651 году, - что во время последнего восстания тысяча 600 шестьсот сорок четыре года большинство записей этой провинции было потеряно или растрчено".[76] Это слуховое заявление лорда Балтимора, возможно, было основано на свидетельстве Томаса Хэттона, секретаря провинции, о получении книг в 1649 году от мистера Бреттона, который "доставил их в Бретон". Бреттона, который "доставил мне эту книгу и еще одну книгу меньшего размера в пергаментной обложке , многие листы которой были вырезаны или вырваны, а многие из них потеряны, сильно изношены и испорчены, а также другие бумаги и записи, связанные в пачку",[77] и поклялся, что это все документы, принадлежащие секретарю или реестру, которые можно было найти, "кроме некоторых ордеров и некоторых чертежей времен мистера Хилла". Таким образом, все записи не были уничтожены, и в 1649 году существовали бумаги,

относящиеся к режиму Хилла. Но более весомым доказательством вандализма Ингла являются сами записи или их копии, которые не могли быть сделаны, если бы оригиналы были уничтожены, и которые, наконец, были помещены туда, где воры не прорвутся и не украдут. Среди записей до 1647 года сохранились оригиналы владельческих книг, liber Z., 1637-1644, и liber P. R., 1642 - 12 февраля 1645 года. Материалы Совета 1636-1657 годов, материалы Ассамблеи 1638-1658 годов и владельческие записи liber F. 1636-1642 годов были переданы в копиях. Утрата liber F., 1636-1642, может быть приписана Инглу не больше, чем утрата liber K., 1692-1694, которая была сделана через пятьдесят лет после времени Ингла. Обе эти книги, а также записи более поздних лет сохранились только в копиях, но краткое изучение Календаря государственных архивов, приложенного к Актам Ассамблеи, покажет, что уничтожение записей Инглom не могло быть таким большим, как предполагалось. Но уничтожил ли он хоть одну? В записях есть пробелы между 14 февраля 1645 года, когда произошло восстание, и декабрем 1646 года, когда вернулся Калверт, но маловероятно, что при существующих обстоятельствах очень тщательно велись записи за эти двадцать два месяца, и, кроме того, нет доказательств того, что Ингл находился в провинции после 1645 года, поскольку он, вероятно, был в Лондоне в декабре того года и, конечно, в феврале следующего. То, что он назначил Корнуоллиса своим поверенным по взысканию долгов Мэриленда и Виргинии, также заставляет предположить, что он не вернулся в провинцию. Некоторые записи правительства Хилла, однако, существовали в 1649 году, но, насколько известно, с тех пор исчезли. Ингл, конечно, не уничтожал их, да и для человека, занимающегося торговлей табаком, было мало побуждений тратить свое время и время своих людей на уничтожение записей.

Трудно понять, почему лорд Балтимор назвал Ингла "неблагодарным негодяем", ведь прием, который тот встретил в Сент-Мэри в 1644 году, не был рассчитан на то, чтобы вдохновить человека на благодарность. Компенсацию, предложенную Инглу, можно было бы назвать либеральной, но власти Мэриленда признали, что вынуждены были сделать это предложение ради общественного блага и безопасности, и поэтому нельзя ставить им в заслугу доброту по отношению к беспокойному мореплавателю. А вот отношения между Инглom и Корнуоллисом вызывают недоумение. Последний обвинил Ингла в том, что тот не вернул стоимость доверенных ему товаров, а также в том, что во время его отсутствия "несколько человек высадились возле его дома" и обокрали его "по меньшей мере на 2500 лир". [78] Все это было сделано после того, как Корнуоллис продемонстрировал свою преданность парламенту, освободив Ингла. В связи с преданностью парламенту следует помнить, что Ингл занимался крупной перевозкой грузов для Корнуоллиса. Кроме того, после того как Ингл сделал его своим поверенным, он отправился в Мэриленд и там подал в суд на трех человек за разграбление и уничтожение его имущества, не впуская Ингла. В отсутствие полных сведений об этих двух людях несправедливо судить кого-то из них строго в этом вопросе.

Неопределенный намек на пиратство Ингла в 1644 году не был продолжен, но в 1649 году он снова был назван "пиратом". За последние триста лет определение пиратства претерпело множество изменений. От разбоя, совершенного в открытом море, оно стало означать "акты насилия, совершенные в океане или на незанятых землях или на территории государства путем спуска с моря, группой людей, действующих независимо от какого-либо политического или организованного общества". [79] Пират также рассматривался как враг, которого может угнетать весь человеческий род. Эти определения даны с международной точки зрения. Каким было

английское законодательство во времена Ингла? Обращение с пиратами регулировалось парламентским актом, принятым в царствование Генриха VIII, [80] А сэр Леолин Дженкинс 2 сентября 1668 года на заседании Адмиралтейства заявил: "Разбой, как он отличается от воровства или воровства, подразумевает не только фактическое отнятие моих товаров, пока я, как мы говорим, нахожусь в мире, но и наведение на меня страха, отнятие их силой и оружием из моих рук или на моих глазах и в моем присутствии; когда это делается на море, без законной военной операции или репрессалий, это прямое пиратство". [81] На Ассамблее в марте 1638 года пиратство было определено следующим образом: "Уильям Доусон и другие напали на суда капитана Томаса Корнуэлиса и его компании, действуя преступно и как пираты и грабители, чтобы захватить указанные суда, и выпустили несколько пуль и шотганов против указанного Томаса Корнуэлиса и т.д.". [82] Хотя и сомнительно, что Ингл захватил пиннас в ручье Святого Иниго, он не был, таким образом, пиратом. Согласно показаниям, он не применял силу, поскольку тот, кто отвечал за пиннас, позволил ему взять его; и деяние не было совершено в открытом море. За деяния, совершенные на суше, Ингл признал себя ответственным; в своем прошении он написал, что "рисковал жизнью и состоянием, высадив своих людей и оказав помощь упомянутым протестантам (*то есть* тем, кто придерживался парламента)" против правительства, папистов и злопыхателей. Его действия на земле были довольно противоречивы, если вчитаться в свидетельства. Например, в 1647 году некий Уолтер Бин [83] по просьбе Катберта Фенвика заявил, что во время грабежа, с согласия Фенвика, он заплатил Инглу немного табака, который причитался Фенвику или Корнуоллису. Тогда Ингл передал ему следующее: "Получил от Уолтера Бина пять фунтов тридцать восемь фунтов табака за долг, который Уолтер Бин задолжал Катберту Фенвику. Свидетель - моя рука,

Рич^д. Ингл".

Бин также заявил, что за некоторое время до приезда Ингла он заплатил Фенвику шесть бочонков табака для Корнуоллиса, и что Ингл по прибытии послал одиннадцать человек за этими бочонками и другим табаком; когда Бин отказался отдать их, Ингл был уведомлен и послал записку с угрозой крайних мер, и таким образом Бин был вынужден отдать табак. Не кажется ли вам любопытным, что Ингл выдал расписку на одну партию табака, а через некоторое время у него насильно конфисковали другой табак? Конечно, власти Мэриленда могли бы счесть такие действия пиратскими. Но это было не так. Ингл получил от парламента поручение облегчить положение плантаторов в Мэриленде, снабдив их оружием и т. д. Он обнаружил, что правительство Мэриленда враждует с парламентом, который был фактическим правительством Англии в то время, и помогал друзьям парламента в Мэриленде. Даже если он выходил за рамки положений своего маркового письма, он был ответственен только перед парламентом. [84] О том, что английские власти не осуждали его поведение, свидетельствует весомость его заявлений, а также тот факт, что впоследствии он находился на службе Содружества.

Что касается того, что Ингл был "мятежником", то все факты указывают на его участие в начале восстания, вызванного, вероятно, недовольными правлением Леонарда Калверта, а более вероятно - влиянием Уильяма Клейборна, который, несмотря на осуждающие акты Мэрилендской Ассамблеи и колебания Карла I, в течение многих лет настаивал на своем праве на остров Кент. Но на восстание смотрят по-разному: те, против кого оно совершается, - с ужасом и презрением; те, кто его совершает, - с гордостью и иногда с преданностью. Если Ингл и возглавил восстание, то он действовал в Мэриленде так же, как впоследствии Кромвель в

большем масштабе в Англии и как Бэкон, храбрый и благородный, в Виргинии, и быть поставленным в одну категорию со многими, кто будет передан будущим поколениям как мятежник, не будет позором для первого мэрилендского мятежника.

ССЫЛКИ:

[1] Письма Спотсвуда, Брок, стр. 12.

[2] Преподобный Эдв. Д. Нилл, которому я обязан ценными ссылками, был первым, кто попытался хоть как-то защитить Ингла, но доктор Вм. Хэнд Браун, который также оказал мне большую помощь, опустил пункт о пиратах и мятежниках в истории, которую он готовит для серии "Содружество".

[3] Assembly Proceedings, 1638-1664, p. 120, Land Office Records, Vol. I., p. 582. В записях Мэриленда фамилия пишется Cornwaleys, но в данной работе принято писать Cornwallis, как это известно истории.

[4] Winthrop's History of New England, Vol. II., p. 75. Уинтроп дал другое написание - "Джагл", несомненно, взятое из подписи, как это не раз делалось с этим именем в наше время. В билле, направленном в большое жюри в Сент-Мэри, штат Мэриленд, 1 февраля 1643/4 года, было указано, что кораблем Ингла в 1642 году была "Реформация". Однако билль был возвращен "Ignoramus", и использование этого названия, вероятно, было анахронизмом.

[5] Proprietary Records, Liber P. R., p. 85.

[6] Там же, р. 124.

[7] Там же, р. 137.

[8] Там же, р. 124. Протоколы Совета, 1636-1657 гг. Бозман в своей "Истории Мэриленда", том II, стр. 271, не зная, очевидно, что на арест Ингла было выдано более одного ордера, переместил это прокламацию, сделав ее следующей за 20 января; но в P. R. она стоит под датой 18 января 1643/4 года.

[9] P. R., p. 146.

[10] Ibid., pp. 125, 138.

[11] C. P., p. 111, P. R., p. 125.

[12] Ibid., p. 125.

[13] Ibid., pp. 129, 130.

[14] Там же.

[15] Это было на южной стороне реки Патуксент. В свое время иезуиты использовали это здание для склада. Здесь находилось любимое жилище Чарльза, третьего лорда Балтимора, которое впоследствии принадлежало мистеру Генри Сьюоллу, и там укрывался полковник Дарналл во время восстания Куды.

[16] P. R., p. 131.

- [17] Там же, с. 134.
- [18] Там же, с. 137, 139.
- [19] Там же, с. 141.
- [20] Там же, с. 148.
- [21] Бозман: История Мэриленда, том II, стр. 272.
- [22] P. R., p. 149.
- [23] Там же, p. 150.
- [24] Там же, p. 131.
- [25] Там же, стр. 139, 145.
- [26] Шестой доклад Исторической комиссии парламенту, с. 101.
- [27] P. R., pp. 140, 141, 146.
- [28] Там же, с. 146.
- [29] Шестой доклад Исторической комиссии парламенту, с. 101. Com., p. 101.
- [30] Отсутствие знаков препинания между "Элизабет и Эллен" заставляет предположить, что судов было всего семь.
- [31] Journal of the House of Commons, 1642-44, p. 607. Этот документ можно найти в Библиотеке Конгресса, Вашингтон, округ Колумбия.
- [32] Коллекции Нью-Йоркского исторического общества, серия II, том III, с. 126. Уинтроп: История Новой Англии, том II, с. 198.
- [33] L. O. R., Vol. I., p. 224; Sixth Rep. Hist. Com., p. 101.
- [34] Papers Relating to the Early History of Maryland, by S. F. Streeter, p. 267.
- [35] C. P., pp. 166, 201, 204; A. P., 238, 270.
- [36] C. P., p. 175; A. P., p. 301.
- [37] C. P., p. 209.
- [38] A. P., p. 238.
- [39] Ibid., pp. 238, 270, 271. По просьбе Ассамблеи Балтимор простил Томпсону деяния, которые он мог совершить по незнанию или по ошибке.
- [40] Relatio Itineris in Marylandiam, p. 95.
- [41] Records of the Eng. Prov. Society of Jesus, Series V., VI., VII., VIII., pp. 337, 389.
- [42] L. O. R., Vol. I., p. 432.

[43] Там же, р. 572.

[44] Там же, том II, с. 354.

[45] Там же, том I, с. 584.

[46] Сейчас Порт-Тобакко, Чарльз Ко. Там же, том II, с. 354.

[47] Там же, том I, с. 433. Большинство показаний против Ингла в Мэриленде были даны теми, кого он держал в плену.

[48] Там же, том I, с. 432, 433.

[49] Там же.

[50] Terra Mariae, Neill, pp. 110, 111.

[51] Sixth Rep. Hist. Com., р. 101.

[52] Преподобный Э. Д. Нилл привел полный текст этой петиции. См. *Founders of Maryland*, pp. 75-77.

[53] L. O. R., Vol. I., р. 378.

[54] Отец Уайт и отец Фишер были перевезены в Англию и заключены в тюрьму. Первый был освобожден через несколько месяцев при условии, что он покинет Англию. Он отправился в Бельгию, после чего вернулся в Англию, но больше никогда не появлялся в Мэриленде. "Жажда спасения своих любимых мэрилендцев, он искал любую возможность тайно вернуться в эту миссию, искренне умоляя о благосклонности своих настоятелей; но, поскольку доброму отцу было тогда больше шестидесяти пяти лет и его телосложение было сломлено, они не дали согласия". R. P. S. J., р. 337. Фишер был освобожден и вернулся в Мэриленд.

[55] Хенинг: *Statutes*, Vol. I., р. 321.

[56] C. P., pp. 17, 77.

[57] Ibid., р. 136; L. O. R., Vol. I., р. 203.

[58] C. P., р. 135.

[59] Ibid., р. 209.

[60] Ibid., р. 154-161.

[61] L. O. R., Vol. II., р. 328.

[62] A. P., р. 242.

[63] Там же, с. 209-210.

[64] Там же, стр. 266.

[65] C. P., pp. 204-205.

[66] Килти. Помощник землевладельца, с. 79-80; L. O. R., Vol. II., р. 410.

- [67] Седьмой доклад His. Com., pp. 54, 162.
- [68] Сэйнсбери: Calendar State Papers, Colonial, 1574-1660, pp. 331-337, 368.
- [69] Там же.
- [70] Там же, Внутренние дела, 1650 г., с. 64, 79, 572.
- [71] Там же, 1653-1654, стр. 235, 251, 278.
- [72] С. Р., 201.
- [73] Там же, 162.
- [74] Там же, 166.
- [75] Там же, р. 209.
- [76] А. Р., р. 329.
- [77] С. Р., 219.
- [78] Sixth Rep. Hist. Com., p. 101.
- [79] Hall: International Law, p. 218.
- [80] 28 Генрих VIII, С. 15. См. с. 124, том VI, "Собрание статутов Эвана".
- [81] Цитируется Филлимором. См. Международное право, том I, с. 414.
- [82] А. Р., pp. 17-18.
- [83] L. O. R., Vol. II., p. 312.
- [84] Phillimore, Vol. I., p. 425.

Примечание транскриптора

Архаичная и изменчивая орфография и капитализация сохранены в цитируемом материале в печатном виде. В многоточиях вместо точек использованы звездочки. Незначительные пунктуационные ошибки исправлены. В тех случаях, когда перед буквой l (обозначающей фунты стерлингов) стоит цифра, между цифрой и l для ясности поставлен пробел.

Внесены следующие изменения:

Страница **14-февраль** изменена на февраль-"...копия свидетельства Ингла от 8 февраля...".

Стр. **20 - резня** изменена на резню - "...в качестве причины резни индейцев назвал ...".

Стр. **33-Корваллис** изменено на Корнуоллис - "Рассмотрение заявлений Корнуоллиса и ...".

Стр. **47 - proprietary** исправлено на proprietary - "... и Либер Ф., 1636-1642, владельческие записи, были переданы ...".